

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.31912/tjano-2019.1.8

**Е. А. Гришина. Русская жестикуляция
с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). —
М.: Издательский ДОМ ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 744 с.**

Книга «Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения» представляет собой результат многолетних исследований ее автора, Е. А. Гришиной, в области жестикуляции, сопровождающей русскую устную речь.

Жест — это в общем случае визуально воспринимаемое движение человеческого тела или его части (включая движения рук, головы, корпуса, мимику, направление взгляда), используемое для передачи информации. Под жестикуляцией, в отличие от других типов жестов (пантомимы, жестов-эмблем, жестовых языков глухих)¹, понимаются жесты, в обязательном порядке требующие для своей интерпретации сопровождающего речевого потока².

Интерес к жесту существовал с античности³, и в настоящее время исследования жестового поведения человека представляют собой обширную междисциплинарную научную область, объединяющую специалистов в различных сферах человеческого знания: лингвистике, коммуникации, социальной

психологии, антропологии, нейробиологии, истории, компьютерных науках и др. В 2002 г. была основана Международная научная ассоциация по изучению жеста, The International Society for Gesture Studies (ISGS)⁴; литература, посвященная различным аспектам жестового поведения человека, уже достаточно обширна⁵. Тем не менее изучение жеста — это научная область, в которой очень многое еще предстоит выяснить. В частности, в лингвистике, для кото-

⁴ Целью ISGS является объединение усилий представителей разных научных направлений, интеграция исследований жеста с изучением различных форм когнитивной, коммуникативной и социально-культурной деятельности людей. Основные проекты ассоциации включают организацию серии конференций ISGS, выпуск международного журнала «Gesture» и книжной серии «Gesture Studies», см. сайт ассоциации: <http://gesturestudies.com>.

⁵ Уже в обзоре [Kendon 1996], опубликованном в конце прошлого столетия, были представлены многочисленные работы, посвященные истории жестов, истории изучения жестов, взаимодействию речи и жеста, социально и культурно обусловленным особенностям жестового поведения человека, жестовым языкам глухих, «домашним» жестам (семейным системам жестового общения глухого ребенка со слышащими родителями), системам жестовой коммуникации, используемым слышащими в качестве альтернативы вербальной коммуникации (например, жестовый язык индейцев Великих Равнин) и др.

¹ Подробнее о типологии жестов см., например, [Kendon 1988; McNeill 1992, 2000].

² По отношению к жестикуляции в таком ее понимании используются также термины речевая жестикуляция (speech-gesticulation), жесты, синхронизированные с речью (speech-synchronized gestures), или речевые жесты (co-speech gestures), см., например, [Kendon 1980, 1988; McNeill 1992].

³ См., например, [Schmitt 1984, 1991], а также обзор в [Kendon 2004: 17—83].

рой традиционно внимание к письменной форме языка, жест долгое время оставался на периферии исследований. Ситуация стала меняться лишь в последние несколько десятилетий благодаря развитию когнитивной науки, в которой человеческий язык рассматривается в связи с другими когнитивными процессами: представлением знаний, памятью, мышлением, коммуникацией, эмоциями и др. С 1970-х гг., после появления работ Адама Кендона [Kendon 1972; 1980 и др.], одним из первых четко сформулировавшего мысль о том, что «жестикуляция настолько тесно связана с речью, что ее следует считать неотъемлемой частью высказывания»⁶, берет свое начало серьезное и систематическое обсуждение фундаментального единства устной речи и жестикуляции.

В отечественной лингвистике жестикуляция, сопровождающая устную речь, вплоть до недавнего времени не считалась достойным объектом исследования, хотя еще в статье Л. П. Якубинского «О диалогической речи» (1923) говорилось о важной роли невербальных средств коммуникации: «Мимика и жест, являясь постоянными спутниками всяких реагирований человека, оказываются постоянным и могучим сообщаемым средством. При непосредственном общении речевое обнаружение всегда соединяется с мимико-жестикуляционным» (цит. по: [Якубинский 1986: 28]). Появлялись лишь единичные работы, в которых обсуждались необходимость учета невербальной составляющей при анализе языкового высказывания [Николаева, Успенский 1966], роль невербальных компонентов коммуникации в мышлении и общении, порождении и восприятии речи [Горелов 1980], семиотические и социокультур-

ные аспекты невербальной коммуникации [Григорьева и др. 2001; Крейдлин 2002, 2005]. Однако в последнее десятилетие интерес отечественных лингвистов к жесту растет. Появляется все больше работ, в которых обсуждаются различные аспекты невербальных средств коммуникации, см. в числе прочих [Крейдлин 2006; 2007; 2008; 2009; Котов 2009; 2010; Кибрик 2010; 2016; Кибрик, Молчанова 2014; Николаева 2004; 2012; 2013; Николаева и др. 2015; Федорова и др. 2016]. Крупнейшим специалистом в этой области стала Е. А. Гришина — автор, помимо рецензируемой книги, целого ряда статей, посвященных русской жестикуляции⁷, а также вдохновитель и один из разработчиков уникального ресурса — Мультимедийного русского корпуса (МУРКО)⁸, открытого в 2010 г. в составе Национального корпуса русского языка.

Значение выхода в свет рецензируемой книги, где подробно анализируется роль жестикуляционной составляющей в русской устной речи, трудно переоценить. В настоящее время уже очевидно, что устная речь представляет собой столь же ценный объект лингвистического анализа, как и письменный текст. Устная форма языка является основной, фундаментальной и исходной, и представления о любом естественном языке будут неполны, если они не учитывают данных устной речи [Кибрик, Подлеская 2009: 24–26]. При этом для исследований устной речи чрезвычайно важен учет ее мультимодального⁹ харак-

⁷ См. список литературы в рецензируемой книге.

⁸ Корпус доступен по адресу <http://www.ruscorpora.ru/search-murco.html>. О структуре, составе, поисковых возможностях МУРКО и перспективах его развития см. среди прочего [Гришина 2008; 2009; 2015; Grishina 2010].

⁹ Термин *модальность* в данном случае используется в значении, принятом для него

⁶ “...gesticulation is so closely integrated with speech that it must be considered an integral part of the act of utterance” [Kendon 1988: 131].

тера (см., например, [Кибрик 2010; Fricke 2013; Müller et al. 2014]). Речь включает в себя две таких модальности — аудиальную и визуальную: при коммуникации говорящие используют не только звуковые сигналы, порождаемые при помощи артикуляторного аппарата¹⁰, но и жесты: «Нет культуры, в которой слышащие не использовали бы спонтанные движения рук, тела и лица при разговоре друг с другом»¹¹. Как отмечается в [Dick et al. 2009: 3522], «речевые жесты играют важную роль в понимании языка, предоставляя дополнительную семантическую информацию, которую слушающие могут использовать для устранения неоднозначности сообщения говорящего»¹². Эта же идея последовательно проводится и в книге Е. А. Гришиной. Уже во введении к ней говорится, что жесты «могут рассматриваться как надежные свидетельства когнитивных процессов, проходящих в мозгу говорящего, а следовательно, могут в случае неопределенности, энантиосемичности высказывания служить хорошим маркером для определения того, что именно имел в виду говорящий. И более того, они могут свидетельствовать о наличии в вы-

сказывании некоторого компонента смысла, который никаким другим способом (ни собственно лингвистическим, ни фонетико-интонационным) не выражен» (с. 12).

Используемые в высказывании звуковой и жестикуляционный каналы взаимодействуют и дополняют друг друга в процессе коммуникации достаточно сложным образом. Анализ этого взаимодействия и является основной задачей книги Е. А. Гришиной. Характер информации, передаваемой при помощи вербальных средств и жестикуляции, существенно различается. Это различие не случайно, оно обусловлено как различиями между двумя перцептивными механизмами (слух vs. зрение), так и различиями используемых артикуляторов (язык, губы, челюсть и т. д. vs. руки, мышцы лица, голова и корпус). Артикуляторы, участвующие в образовании жеста, видимы, достаточно массивны (соответственно, для их перемещения требуется больше времени по сравнению с артикуляторами, участвующими в образовании звука), и некоторые из них — руки — являются парными и могут одновременно и независимо друг от друга передавать разную информацию [Meier 2002: 7]. Слух больше приспособлен для восприятия линейно упорядоченной информации, развертывающейся во времени, тогда как зрение способно воспринимать и обрабатывать разнообразную информацию, поступающую одновременно [Brentari 2002: 61]. Кроме того, визуальная модальность, по сравнению с аудиальной, предоставляет гораздо более широкие возможности для использования иконических и индексных знаков. В своей знаменитой книге о речевых жестах Дэвид Макнилл высказывает предположение, что речь передает конвенциональную, грамматическую, последовательную, подчиненную правилам часть сообщения, в то время как жест выражает его

в психологии и нейрофизиологии, как указание на принадлежность ощущения к определенной сенсорной системе.

¹⁰ В звуковом информационном канале, в свою очередь, важно выделять сегментную (вербальную) и несегментную (просодическую) составляющие, см. об этом, например, [Кибрик 2010].

¹¹ “The culture has not been found whose hearing members do not spontaneously produce meaningful manual, bodily, and facial movements when speaking with one another” [Duncan 2003: 259].

¹² “Co-speech gestures serve an important role in language comprehension by providing additional semantic information that listeners can use to disambiguate the speaker’s message”.

образную, мгновенную и целостную часть [McNeill 1992: 2]. Е. А. Гришина в своем исследовании опирается на понятие *мультимодального кластера* (с. 27) — сочетания в речи языковых явлений разных модусов (вербального, просодического, жестового), регулярно используемого для передачи одного и того же смысла, в который каждый из модусов вносит свой собственный вклад. Именно анализ регулярно воспроизводимых сочетаний «определенное собственно лингвистическое явление — определенный жест» позволяет установить семантические характеристики жестов и их роль в организации высказывания. Следует заметить, что отдельные мультимодальные кластеры уже достаточно давно стали предметом исследований, им посвящена обширная литература. Подход Е. А. Гришиной отличается от предшествующих работ масштабностью поставленной и успешно решаемой задачи: выявлением инвентаря жестов, используемых в русской устной речи, системных отношений между этими жестами и системных связей жестов с вербальной составляющей речи.

Принципиальной для рецензируемой книги является идея о композиционном характере жеста. В смежной с жестикуляционной лингвистикой области — лингвистике жестовых языков — жест, начиная с ранних работ [Stokoe 1960; Battison 1974; 1978], рассматривается как феномен, обладающий внутренней структурой, которую образуют такие его составляющие, называемые *компонентами* или *параметрами*, как *конфигурация* (форма кисти руки), *ориентация* (положение кисти руки по отношению к корпусу тела говорящего), *движение* (его траектория и характер) и *локализация* (место исполнения жеста по отношению к телу говорящего). В одних жестах параметры выступают в качестве элементарных смысловых различительных единиц, не обладающих значе-

нием, в других те или иные параметры обладают значением, т. е. представляют собой аналоги морфем. Однако в жестикуляционной лингвистике конфигурация, ориентация, движение и локализация традиционно рассматривались только как способ описания формы жеста. Вопрос о том, состоят ли жесты из отдельных компонентов или же являются цельными по своей природе, до сих пор остается предметом дискуссий. Тем не менее в последние годы публикуется все больше исследований, показывающих, что параметры или сочетания каких-либо параметров жеста могут и должны использоваться в качестве инструмента для систематического описания жестов, что определенные параметры или их комбинации являются воспроизводимыми, т. е. регулярно соответствуют определенной семантике (ср. гипотезу о «рудиментарной морфологии» жеста, высказанную в [Müller 2004: 254])¹³. Е. А. Гришина тоже рассматривает жест как состоящий из набора исчислимых параметров (орган жестикуляции, конфигурация и ориентация ладони, направление движения и некоторые другие). Каждый параметр может принимать ограниченный набор признаков (например, по параметру ориентации ладонь может быть ориентирована вверх, вниз или вертикально), при этом, как демонстрируется на протяжении всей книги, каждый признак имеет достаточно отчетливые и регулярные связи с теми или иными смысловыми компонентами высказывания, т. е. обладает определенным значением, вносящим свой вклад в общую семантику жеста.

¹³ О регулярном соответствии параметров жеста определенным смыслам с ссылками на соответствующую литературу см. также [Mittelberg 2010; Ladewig, Bressen 2013; Ladewig 2014].

Другой важной особенностью исследования Е. А. Гришиной является корпусный подход. Устная речь динамична, языковые единицы в ней «используются в режиме онлайн для оформления мысли говорящего» [Кибрик 2016: 675]. При этом очевидно, что значения, выражаемые жестом или его компонентами, в силу самой природы жеста и его составляющих должны быть очень общими, предельно абстрактными. Соответственно, адекватный анализ жестикуляции, выявление этих значений возможны только на материале представительного корпуса видеозаписей устной речи. Книга Е. А. Гришиной написана на материале Мультимедийного русского корпуса, объем которого на момент подготовки книги к печати составлял около 4,5 млн словопотреблений.

Анализируя русскую жестикуляцию, Е. А. Гришина ставит целью не просто выявление, но и объяснение корреляций между формой жеста и его семантикой. Не случайно одним из важнейших понятий, к которому автор обращается практически во всех главах книги, — это понятие *этимона*, утилитарного движения (утилитарный, или прагматический этимон: ‘подавление’, ‘объект, находящийся в ладони’ и т. п.) или геометрической формы (геометрический этимон, или этимон-абстракция: ‘точка’, ‘прямая’, ‘плоскость’ и т. п.). Этимон — основа метафорического переноса, формирующего жест: «Жест является мотивированным знаком, форма которого может быть объяснена посредством обращения к повседневной жизни человека (что требует от исследователя в качестве обязательного этапа “этимологическую” интерпретацию жеста)» (с. 11).

Характеризуя книгу Е. А. Гришиной в целом, нельзя не отметить также стремление автора к максимальной достоверности результатов, возможности

их верификации, что обусловило широкое и последовательное применение ею статистических методов. Как поясняет автор во введении, «уверенность, что исследователю удалось определить основные семантические компоненты жеста, может дать только статистически достоверный анализ базы данных» (с. 30).

Книга состоит из четырех частей, каждая из которых включает несколько глав.

Введение (Глава 1) задает общую концептуальную направленность книги. Оно включает детальный обзор понятийно-терминологического аппарата, используемого в жестикуляционной лингвистике. Особое место уделяется ключевому для данной книги понятию мультимодальности устной речи. Характеризуются также материал исследования и методика работы с ним. В частности, с подробными пояснениями и очень ясно описываются методы статистического анализа материала, которым, как уже говорилось выше, в работе Е. А. Гришиной придается большое значение.

В первой части, «Система русских указательных жестов», анализируется инвентарь дейктических жестов, исполняемых рукой или головой. Эта часть включает в себя четыре главы: «Ручные указательные жесты», «Указание большим пальцем», «Головные указательные жесты» и «Автодейксис». Некоторые из жестикуляционных явлений, рассматриваемых в этой части книги, такие как «классические» указания указательным пальцем или ладонью, уже неоднократно становились предметом изучения на материале разных языков. Другие, — например, как указания большим пальцем или головой — изучены гораздо меньше.

Подробно характеризуются параметры, релевантные для описания того или иного указательного жеста. Для ручных

жестов это в общем случае конфигурация и ориентация ладони, степень напряженности руки или ладони и направление движения, а для головных жестов — направление движения и орган указания: профиль говорящего целиком или только часть профиля — темя или подбородок. Показано, что выбор того или иного параметра дейктического жеста не случаен, он обусловлен определенными референциальными или прагматическими факторами: материальностью / абстрактностью, одушевленностью / неодушевленностью, единичностью / множественностью, близостью / отдаленностью референта, ролью референта в информационной структуре высказывания, иллокутивной функцией высказывания, его временной отнесенностью, дистанцированием говорящего от объекта указания и т. д.

В главе «Ручные указательные жесты», посвященной классическим указаниям, автор обращает также внимание на жесты-касания, в которых конфигурация руки зависит от формы объекта указания. Классические указания и касания рассматриваются Е. А. Гришиной как две самостоятельные, но этимологически связанные подсистемы, где первые произошли от вторых (с. 53–54). Как показано в этой и последующих главах данной части книги, отсутствие / наличие у дейктического жеста соответствий в классе касаний имеет важные следствия для выражаемой им семантики, в частности для возможности выполнения им анафорической функции.

Рассматривая указания большим пальцем, автор демонстрирует существенные функционально-семантические отличия этих жестов от классических указаний, выявить которые позволяет анализ контекстов, включающих оба типа жестов, а также учет сопутствующих жестикуляционных средств, таких как характер взгляда, сопровождающего жест (с. 114–116).

Обсуждая головные указательные жесты, Е. А. Гришина касается в числе прочего и вопроса о том, как соотносятся между собой дейктические системы ручных и головных указательных жестов. Автор показывает, что системы указаний указательным пальцем или ладонью и головой являются независимыми, каждая из них выражает свойственные только ей значения, в то время как системы указаний большим пальцем и головой частично взаимозаменяемы.

Анализируя в главе «Автодейксис» указания говорящего на самого себя в ходе устного общения, автор обращает внимание на парадокс, заключающийся в том, что такие жесты достаточно регулярно выступают в сочетании с одноименными собственно языковыми средствами (*я, мы, меня* и т. п.) и тем самым на первый взгляд кажутся избыточными. Объяснения этого парадокса и предлагаются в данной главе. Как показано, жест автоуказания обычно либо вносит в высказывание некоторый дополнительный семантический компонент (например, ограничительное значение ‘именно я / я, а не кто-то другой’), либо замещает слово или словосочетание, либо выражает значение, полностью отсутствующее в параллельном речевом ряде (например, перформативный компонент ‘прошу мне поверить’). В данной главе также сопоставляются некоторые особенности классического жестикуляционного дейксиса и автодейксиса. В частности, обсуждается использование в высказываниях, тождественных по своей иллокутивной функции, разных конфигураций руки в случае классических указаний и автоуказаний.

Вторая часть, «Русские изобразительные жесты. Фрагменты системы», посвящена анализу жестов и отдельных их параметров, иконически отображающих объекты или абстрактные сущности. Она состоит из шести глав:

«Язык в декартовых координатах: поперечная и сагиттальная оси», «Глагольные приставки и корни: жестикуляционные профили», «Язык в декартовых координатах: вертикальная ось», «Сложные жестикуляционные траектории», «Конфигурация ладоней», «Жесты и точка зрения».

Первые четыре главы представляют собой семантический анализ движения жестов в трехмерном пространстве относительно трех осей человеческого тела — вертикальной, поперечной и сагиттальной, соответствующих осям декартовой прямоугольной системы координат. Этот анализ в целом выявляет довольно интересные корреляции между направлением и траекторией движения руки и/или головы и семантикой жеста. В частности, оказывается, что сагиттальная и поперечная оси ориентированы на выражение более абстрактных, грамматических значений, в то время как вертикальная ось, а также сложные траектории (колебательные или круговые движения) — на выражение более конкретных, лексических значений. При этом головные движения в целом оказываются связаны с передачей более абстрактных значений по сравнению с ручными. Другая корреляция касается соотношения сагиттальной и поперечной осей. В литературе по жестикуляции и жестовым языкам глухих неоднократно демонстрировалось, что движения жеста вдоль этих осей могут кодировать временные значения: время во многих языках мыслится как вектор, а жест, благодаря возможности использования пространства, способен иконически отражать это представление. Традиционно считается, что временной ориентации событий относительно момента речи соответствует сагиттальная ось, на ней иконически изображается распространенная языковая метафора «прошлое — позади, будущее — впереди», а временная ориен-

тация событий относительно друг друга отображается на поперечной оси. Однако исследование Е. А. Гришиной, учитывающее взаимосвязь временных значений с аспектуальными и модальными, приводит к нетривиальным выводам. В русской жестикуляционной системе кодирование значений относительного времени оказывается в большей степени связанным с вертикальной осью, в то время как сагиттальная и поперечная оси противопоставлены не как временные, а как коммуникативная и когнитивная соответственно. Сагиттальная ось ориентирована на передачу информации слушающему (значения временного дейксиса в общем случае тоже тяготеют к этой оси), а правая и левая зоны поперечной оси соответствуют противопоставлению объективных фактов и субъективного мнения говорящего. Как замечает автор, «жестикуляция, ориентированная вдоль поперечной оси, является хорошим маркером когнитивных процессов» (с. 239).

Последние две главы второй части посвящены другим аспектам изобразительных жестов. В главе «Конфигурация ладоней» анализируется семантика конфигураций руки, основанных на соприкосновении каких-либо пальцев: «кольцо», «щепоть», «кулак» и др. Некоторые из этих конфигураций уже неоднократно были предметом исследований на материале других языков [Kendon 2004; Calbris 2011 и др.], однако авторы в большинстве своем рассматривали жест как единое целое. Е. А. Гришина ставит перед собой задачу выяснить, какие значения передает именно конфигурация независимо от остальных параметров, принимая при этом во внимание этимоны, мотивирующие метафорическое развитие жестикуляционной семантики. Одним из важных выводов является то, что на семантику, выражаемую конфигурацией, в значительной степени влияет эвкли-

дова геометрия, которая «базируется на повседневном практическом опыте человека, однако представляет собой следующий, гораздо больший уровень абстракции» (с. 400).

В главе «Жесты и точка зрения» анализируется различие между жестами персонажа и жестами наблюдателя. В первом случае говорящий (или тот персонаж, с точки зрения которого говорящий жестикулирует) мысленно совмещает свое тело с телом персонажа и жестикулирует так, как будто бы он и есть этот персонаж. Во втором случае тела персонажа и говорящего разнесены в пространстве на расстояние, заданное жестикулирующей рукой. Различение этих двух типов жестов было впервые предложено Д. Макниллом [McNeill 1992]. Е. А. Гришина на примере отрицательных жестов и жестикуляции, сопровождающей употребление кванторных слов *весь, все, каждый, любой*, демонстрирует, что это различие представлено в системе жестикуляции гораздо шире и разнообразнее, чем представлялось ранее. В частности, в конструкциях стандартного отрицания выбор головного или ручного отрицательного жеста или отсутствие жестикуляционного сопровождения оказываются регулярно обусловленными позицией говорящего относительно его высказывания (персонаж vs. наблюдатель). Анализ жестикуляции, сопровождающей кванторные слова, позволяет увидеть семантические различия между лексемами, которые не видны при учете только вербального модуса. Например, тождественные на первый взгляд кванторы *весь* и *все* различаются позицией говорящего относительно именной группы (взгляд на множество извне, когда наблюдатель воспринимает множество как недискретное целое vs. позиция внутреннего наблюдателя, когда наблюдатель фиксирует наличие в множестве ряда отдельных элементов),

что иконически отражается в преимущественном использовании в первом случае жеста, обозначающего форму объекта, а во втором — квантующего (в терминологии автора) жеста, делящего пространство на составные части. Как отмечает Е. А. Гришина, изучение разновидностей точки зрения и отражения их в жестикуляции представляется одним из самых перспективных направлений в жестикуляционной лингвистике и заслуживает самого пристального внимания исследователей.

Третья часть, «Служебные жесты», посвящена жестам, выполняющим функцию организации высказывания. Она включает в себя две главы: «Грамматика взгляда» и «Закрытые глаза: пунктуация и акцентуация». К служебным жестам Е. А. Гришина относит разнородный круг явлений: перемещение взгляда, моргание, мелкую мимику (например, облизывание), а также систему подхватов (повторов жестов) и удержаний (задержек жестикулирующего органа либо в подготовительной, либо в основной фазе исполнения жеста). Подробно анализируются два типа служебных жестов. В главе «Грамматика взгляда» автор рассматривает поведение взгляда как средство организации диалога. Показано, что динамика взгляда на границах реплик подчиняется закономерностям, связанным с привлечением внимания адресата и с передачей реплики от одного участника диалога другому, в то время как направление взгляда внутри реплики связано с коммуникативным членением фразы. Глава «Закрытые глаза: пунктуация и акцентуация» представляет собой анализ морганий, демонстрирующий, что последние служат визуальными аналогами ряда просодических явлений, маркирующих границы фраз или служащих для акцентного выделения.

Четвертая часть, «Сквозные темы в жестикуляции», представляет собой

итоговый раздел, в котором обобщаются некоторые темы, обсуждавшиеся в предыдущих частях книги. Она включает в себя две главы. В первой из них, «Прагматика, семантика и синтаксис», сводятся воедино способы отражения при помощи жестикуляции различных прагматических, семантических и синтаксических компонентов высказывания. Во второй, «Жестикуляция, или Любовь к геометрии», показано, как понятия евклидовой геометрии служат в качестве этимонов указательных, образительных и служебных жестов.

К числу недостатков книги следует отнести не всегда структурированное и системное изложение (что представляется следствием большой детализации описания, обусловленной стремлением автора к всестороннему анализу исследуемого материала, к максимальной точности и достоверности результатов исследования), а также некоторые технические погрешности¹⁴. Можно не согласиться с использованием автором некоторых терминов: «уверенное будущее время», «неуверенное будущее время» (с. 216, 224, 227, 244), «языки глухонемых»¹⁵ (с. 13). Неясно, почему при анализе служебных жестов смешиваются понятия просодических характеристик высказывания и средств их обозначения на письме¹⁶. Несомненно,

текст был бы доработан, если бы не преждевременная смерть автора.

Книга «Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения» без преувеличения стала значимым событием не только для отечественной, но и для мировой жестикуляционной лингвистики. Ряд рассмотренных в ней явлений, таких как связь семантики жеста со свойствами его прагматического или геометрического этимона, корреляция осей человеческого тела с выражением значений разной степени абстрактности и др., позволяет по-новому взглянуть и на жесты, принадлежащие к другим областям жестового континуума, в частности на жесты, используемые в жестовых языках глухих. По масштабности, многоплановости и глубине описания жестикуляционной составляющей устной речи книге Е. А. Гришиной найдется очень мало аналогов. Как отметил Д. В. Сичинава, один из авторов теплого, написанного друзьями и коллегами Е. А. Гришиной послесловия к книге, «...автор открыл и описал буквально еще один русский язык — язык тела. (...) результаты ошеломляют: это еще один континент, скрытое течение в Босфоре, и вторая подземная река под Нилом» (с. 725).

Представленные в книге результаты исследования, разработанная методология анализа материала, не говоря уже о множестве сформулированных в ней гипотез, которые еще только предстоит проверить, а также о ценнейшем ресурсе — Мультимедийном русском корпусе,

ального аналога пауз и акцентных диакритик», а на с. 523 — о том, что «межсловное моргание выступает в устном тексте как пунктуационный знак: заглавная буква как начало реплики, точка и знаки, приравненные к точке (границы фраз, конец реплики)...». На наш взгляд, правомернее было бы интерпретировать данные жесты как аналоги определенных просодических средств.

¹⁴ Встречаются полные повторы абзацев (например, на с. 16 и 485); на рисунках 6_10 и 6_11 (с. 224) перепутаны названия осей.

¹⁵ Термин *глухонемые* употреблялся примерно до середины 1950-х гг. В настоящее время он считается устаревшим и не используется прежде всего в силу негативного отношения к нему самих носителей жестовых языков. Вместо него сейчас повсеместно используется термин *глухие: сообщество глухих, жестовые языки глухих*.

¹⁶ Например, на с. 485 говорится, что служебные жесты «выступают в качестве визу-

вносят большой вклад в развитие отечественной мультимодальной лингвистики и создают мощный фундамент для дальнейших исследований жестикуляционной составляющей устной речи. Хочется надеяться, что книга Е. А. Гришиной, ставшей одним из первопроходцев в отечественной жестикуляционной лингвистике, будет способствовать привлечению к этому направлению все большего числа исследователей. Как написали авторы статьи «Gesture for Linguists: a Handy Primer», «какой именно будет роль жеста в лингвистике ближайших десятилетий, еще только предстоит увидеть. Думается, что эту роль можно будет определить только после тщательного анализа структуры жеста и его связей с языком. Однако мы уверены, что богатая структура жеста и его многогранные, тесные отношения с языком заставят будущие поколения лингвистов держать открытыми не только уши, но и глаза»¹⁷.

Л и т е р а т у р а

Григорьева и др. 2001 — С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. Словарь русских жестов. М.; Вена, 2001.

Гришина 2008 — Е. А. Гришина. Национальный корпус русского языка как источник сведений об устной речи // Речевые технологии. 2008. № 3. С. 50–62.

¹⁷ “Exactly what the role of gesture will be in linguistics in the coming decades remains to be seen. We suggest that this role can be determined only after careful consideration of the structure of gesture and its ties to language. Our bet is that the rich structure of gesture and its multi-faceted, intimate relations to language will compel future generations of linguists to keep their eyes, and not just their ears, open” [Abner et al. 2015: 445].

Гришина 2009 — Е. А. Гришина. Мультимедийный русский корпус (МУРКО): проблемы аннотации // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 175–214.

Гришина 2015 — Е. А. Гришина. Мультимодальный модуль в составе Национального корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 6 (6). Национальный корпус русского языка: 10 лет проекту. М., 2015. С. 65–88.

Горелов 1980 — И. Н. Горелов. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.

Кибрик 2010 — А. А. Кибрик. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования IV / Ю. И. Александров, В. Д. Соловьев (ред.). М., 2010. С. 134–152.

Кибрик 2016 — А. А. Кибрик. Язык как он есть // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. М., 2016. С. 674–676.

Кибрик, Молчанова 2014 — А. А. Кибрик, Н. Б. Молчанова. Каналы мультимодальной коммуникации: относительный вклад в понимание дискурса // Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования / О. В. Федорова, А. А. Кибрик (ред.). М., 2014. С. 99–114.

Кибрик, Подлеская 2009 — Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / А. А. Кибрик, В. И. Подлеская (ред.). М., 2009.

Котов 2009 — А. А. Котов. Паттерны эмоциональных коммуникативных реакций: проблемы создания корпуса и перенос на компьютерных агентов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». Вып. 8 (15). М., 2009. С. 211–218.

Котов 2010 — А. А. Котов. Имитация компьютерным агентом непрерывного эмоционального коммуникативного поведения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2010». Вып. 9 (16). М., 2010. С. 219–225.

- Крейдлин 2002 — Г. Е. Крейдлин. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.
- Крейдлин 2005 — Г. Е. Крейдлин. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.
- Крейдлин 2006 — Г. Е. Крейдлин. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I: Жестовые ударения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2006». Вып. 5 (12). М., 2006. С. 290–296.
- Крейдлин 2007 — Г. Е. Крейдлин. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге II А: Дейктические жесты и их типы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2007». Вып. 6 (13). М.: РГГУ, 2007. С. 320–327.
- Крейдлин 2008 — Г. Е. Крейдлин. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге II Б: Дейктические жесты и речевые акты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2008». Вып. 7 (14). М., 2008. С. 248–253.
- Крейдлин 2009 — Г. Е. Крейдлин. Невербальное поведение людей разных культур в диалоге I: финская и русская жестовые системы // По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». Вып. 8 (15). М., 2009. С. 224–229.
- Николаева 2004 — Ю. В. Николаева. Функциональные и семантические особенности иллюстративных жестов в устной речи (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 48–67.
- Николаева 2012 — Ю. В. Николаева. Жестикуляция рассказчика и структура нарратива // Когнитивные исследования / А. А. Кибрик, Т. В. Черниговская, А. В. Дубасова (ред.). Вып. 5. М., 2012. С. 243–251.
- Николаева 2013 — Ю. В. Николаева. Иллюстративные жесты в русском дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Николаева и др. 2015 — Ю. В. Николаева, А. А. Кибрик, О. В. Федорова. Структура устного дискурса: взгляд со стороны мультимодальной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2015». Вып. 14. Т. 1. М., 2015. С. 487–499.
- Николаева, Успенский 1966 — Т. М. Николаева, Б. А. Успенский. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии / Т. М. Николаева (отв. ред.). М., 1966. С. 63–74.
- Федорова и др. 2016 — О. В. Федорова, А. А. Кибрик, Н. А. Коротаев, А. О. Литвиненко, Ю. В. Николаева. Временная координация между жестовыми и речевыми единицами в мультимодальной коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2016». Вып. 15. М., 2016. С. 159–170.
- Якубинский 1986 — Л. П. Якубинский. О диалогической речи // Л. П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58.
- Abner et al. 2015 — N. Abner, K. Cooperrider, S. Goldin-Meadow. Gesture for Linguists: A Handy Primer // Language and Linguistics Compass. 2015. Vol. 9 (11). P. 437–451.
- Battison 1974 — R. Battison. Phonological Deletion in American Sign Language // Sign Language Studies. Vol. 5. 1974. P. 1–19.
- Battison 1978 — R. Battison. Lexical Borrowing in American Sign Language. Silver Spring, Md., 1978.
- Brentari 2010 — D. Brentari. Modality differences in sign language phonology and morphophonemics // Modality and Structure in Signed and Spoken Languages / R. Meier, K. Cormier, D. Quinto-Pozos (eds.). Cambridge, 2002. P. 35–64.
- Calbris 2011 — G. Calbris. Elements of meaning in gesture. Amsterdam, 2011.

- Dick et al. 2009 — A. S. Dick, S. Goldin-Meadow, U. Hasson, J. I. Skipper, S. L. Small. Co-speech gestures influence neural activity in brain regions associated with processing semantic information // *Human Brain Mapping*. 2009. Vol. 30 (11). P. 3509–3526. doi: 10.1002/hbm.20774.
- Duncan 2003 — S. Duncan. Gesture in language: Issues for sign language research // *Perspectives on Classifier Constructions in Signed Languages* / K. Emmorey (ed.). Mahwah, NJ, 2003. P. 259–268.
- Fricke 2013 — E. Fricke. Towards a unified grammar of gesture and speech: A multimodal approach // *Body — Language — Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. (Handbooks of Linguistics and Communication Sciences 38.1)* / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf (eds.). Vol. 1. Berlin, 2013. P. 733–754.
- Grishina 2010 — E. Grishina. Multimodal Russian Corpus (MURCO): First Steps [Электронный ресурс] // 7th Conference on Language Resources and Evaluation LREC'2010, Valetta, Malta: URL: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2010/index.html> (дата обращения: 15.04.2018).
- Kendon 1972 — A. Kendon. Some relationships between body motion and speech // *Studies in Dyadic Communication* / A. Siegman, B. Pope (eds.). New York, 1972. P. 177–210.
- Kendon 1980 — A. Kendon. Gesticulation and speech: Two aspects of the process of utterance // *The Relation between Verbal and Nonverbal Communication* / M. R. Key (ed.). The Hague, 1980. P. 207–227.
- Kendon 1988 — A. Kendon. How gestures can become like words // *Cross-cultural Perspectives in Nonverbal Communication* / F. Poyatos (ed.). Toronto, 1988. P. 131–141.
- Kendon 1996 — A. Kendon. Some items for an introductory bibliography of gesture studies // *Semiotic Review of Books*. 1996. Vol. 7 (3). P. 11–12.
- Kendon 2004 — A. Kendon. *Gesture. Visible action as utterance*. Cambridge, 2004.
- Ladewig 2014 — S. H. Ladewig. Recurrent gestures // *Body — Language — Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. (Handbooks of Linguistics and Communication Sciences 38.2)* / C. Müller, A. Chenki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, J. Bressem (eds.). Berlin; Boston, 2014. P. 1558–1574.
- Ladewig, Bressem 2013 — S. Ladewig, J. Bressem. New insights into the medium hand: Discovering recurrent structures in gestures // *Semiotica*. Vol. 197. 2013. P. 203–231.
- McNeill 1992 — D. McNeill. *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago, 1992.
- McNeill 2000 — D. McNeill. Introduction // *Language and Gesture* / D. McNeill (ed.). Cambridge, 2000. P. 1–10.
- Meier 2002 — R. Meier. Why different, why the same? Explaining effects and non-effects of modality upon linguistic structure in sign and speech // *Modality and structure in signed and spoken languages* / R. Meier, K. Cormier, D. Quinto-Pozos (eds.). Cambridge, 2002. P. 1–25.
- Mittelberg 2010 — I. Mittelberg. Geometric and image-schematic patterns in gesture space // *Language, cognition, and space: The state of the art and new directions* / V. Evans, P. Chilton (eds.). London, 2010. P. 351–385.
- Müller 2004 — C. Müller. Forms and uses of the palm up open hand: A case of gesture family? // *The semantics and pragmatics of everyday gestures* / C. Müller, R. Posner (eds.). Berlin, 2004. P. 233–256.
- Müller et al. 2014 — C. Müller, E. Fricke, A. Cienki, S. H. Ladewig, D. McNeill, J. Bressem (eds.). *Body — Language — Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. (Handbooks of Linguistics and Communication Sciences 38.2)*. Vol. 2. Berlin, 2014.
- Schmitt 1984 — J.-C. Schmitt. Introduction and general bibliography // *History and Anthropology*. 1984. Vol. 1 (1). P. 1–28.
- Schmitt 1991 — J.-C. Schmitt. The rationale of gestures in the West: third to thirteenth centuries // *A Cultural History of Gesture* / J. N. Bremmer, H. Roodenburg (eds.). Cambridge, 1991. P. 59–70.

Stokoe 1960 — W. Stokoe. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf. Studies in linguistics: Occasional papers, 8. Buffalo, 1960.

С. И. Буркова

Новосибирский государственный
технический университет
(Россия, Новосибирск)
burkova@corp.nstu.ru

Получено 17.05.2018

[Review of the book:] Grishina, E. A.

*Russkaya zhestikulyatsiya
s lingvisticheskoy tochki zreniya
(korpusnye issledovaniya)*

[Russian Gesticulation in Linguistic
Aspect: Corpus Studies].

Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury,
2017. 744 p.

References

- Abner, N., Cooperrider, K., & Goldin-Meadow, S. (2015). Gesture for linguists: a handy primer. *Language and Linguistics Compass*, 9(11), 437–451.
- Battison, R. (1974). Phonological deletion in American sign language. *Sign Language Studies*, 5, P. 1–19.
- Battison, R. (1978). *Lexical borrowing in American sign language*. Silver Spring: Linstok Press.
- Brentari, D. (2002). Modality differences in sign language phonology and morphophonemics. In R. Meier, K. Cormier, & D. Quinto-Pozos (Eds.), *Modality and structure in signed and spoken languages* (pp. 35–64). Cambridge: Cambridge University Press.
- Calbris, G. (2011). *Elements of meaning in gesture*. Amsterdam: John Benjamins.
- Dick, A. S., Goldin-Meadow, S., Hasson, U., Skipper, J. I., & Small, S. L. (2009). Co-speech gestures influence neural activity in brain regions associated with processing semantic information. *Human Brain Mapping*, 30 (11), 3509–3526.
- Duncan, S. (2013). Gesture in language: issues for sign language research. In K. Emmorey (Ed.), *Perspectives on classifier constructions in sign languages* (pp. 259–268). Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates.
- Fedorova, O. V., Kibrik, A. A., Korotaev, N. A., Litvinenko, A. O., & Nikolaeva, Yu. V. (2016). Vremennaya koordinatsiya mezhdu zhestovymi i rechevymi edinitami v mul'timodal'noi kommunikatsii. In V. P. Selegey et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (2016) (pp. 159–170). Moscow: RGGU.
- Fricke, E. (2013). Towards a unified grammar of gesture and speech: a multimodal approach. In C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, & S. Teßendorf (Eds.), *Body — Language — Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction* (Vol. 1, pp. 733–754). Berlin: de Gruyter Mouton.
- Gorelov, I. N. (1980). *Neverbal'nye komponenty kommunikatsii*. Moscow: Nauka.
- Grigoryeva, S. A., Grigoryev, N. V., & Kreydlin, G. E. (2001). *Slovar' russkikh zhestov*. Moscow; Wien: Yazyki russkoi kul'tury.
- Grishina, E. (2010). Multimodal Russian Corpus (MURCO): First Steps. In 7th Conference on Language Resources and Evaluation LREC'2010. Retrieved from <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2010/index.html>
- Grishina, E. A. (2008). Mul'timediyni russkii korpus (MURKO): problemy annotatsii. In *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* (pp. 175–214). St Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Grishina, E. A. (2008). Natsional'nyi korpus russkogo yazyka kak istochnik svedenii ob ustnoi rechi. *Rechevye tekhnologii*. 3, 50–62.
- Grishina, E. A. (2015). Mul'timodal'nyi modul' v sostave Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka. In A. M. Moldovan (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 6. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 10 let proektu* (pp. 65–88). Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN.

- Kendon, A. (1972). Some relationships between body motion and speech. In A. Siegman, & B. Pope (Eds.), *Studies in dyadic communication* (pp. 177–210). New York: Pergamon Press.
- Kendon, A. (1980). Gesticulation and speech: two aspects of the process of utterance. In M. R. Key (Ed.), *The relation between verbal and nonverbal communication* (pp. 207–227). The Hague: Mouton.
- Kendon, A. (1988). How gestures can become like words. In F. Poyatos (Ed.), *Cross-cultural perspectives in nonverbal communication* (pp. 131–141). Toronto: Hogrefe.
- Kendon, A. (1996). Some items for an introductory bibliography of gesture studies. *Semiotic Review of Books*, 7(3), 11–12.
- Kendon, A. (2004). *Gesture. Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kibrik, A. A. (2010). Mul'timodal'naya lingvistika. In Yu. I. Aleksandrov, & V. D. Solovyev (ed.), *Kognitivnye issledovaniya — IV* (134–152). Moscow: IP RAN.
- Kibrik, A. A. (2016). Yazyk kak on est'. In *Sed'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov* (pp. 674–676). Moscow: IP RAN.
- Kibrik, A. A., & Molchanova, N. B. (2014). Kanaly mul'timodal'noi kommunikatsii: otnositel'nyi vklad v ponimanie diskursa. In O. V. Fedorova, & A. A. Kibrik (Eds.), *Mul'timodal'naya kommunikatsiya: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya* (pp. 99–114). Moscow: Buki-Vedi.
- Kibrik, A. A., & Podlesskaya, V. I. (Eds.). (2009). *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa*. Moscow: YaSK.
- Kotov, A. A. (2009). Patterny emotsional'nykh kommunikativnykh reaktsii: problemy sozdaniya korpusa i perenos na komp'yuternykh agentov. In A. E. Kibrik et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2009)* (pp. 211–218). Moscow: RGGU.
- Kotov, A. A. (2010). Imitatsiya komp'yuternym agentom nepreryvnogo emotsional'nogo kommunikativnogo povedeniya. In A. E. Kibrik et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2010)* (pp. 219–225). Moscow: RGGU.
- Kreydlin, G. E. (2002). *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kreydlin, G. E. (2005). *Muzhchiny i zhen-shchiny v neverbal'noi kommunikatsii*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Kreydlin, G. E. (2006). Mekhanizmy vzaimodeystviya neverbal'nykh i verbal'nykh edinit v dialoge I: Zhestovye udareniya. In N. I. Laufer, A. S. Narinyani, & V. P. Selegey (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2006»* (pp. 290–296). Moscow: RGGU.
- Kreydlin, G. E. (2007). Mekhanizmy vzaimodeystviya verbal'nykh i neverbal'nykh edinit v dialoge II A. Deikticheskie zhesty i ikh tipy. In L. L. Iomdin et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2007»*. Moscow: RGGU, 2007. P. 320–327.
- Kreydlin, G. E. (2008). Mekhanizmy vzaimodeystviya verbal'nykh i neverbal'nykh edinit v dialoge II B. Deikticheskie zhesty i rechevye akty. In A. E. Kibrik et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2008)* (pp. 248–253). Moscow: RGGU.
- Kreydlin, G. E. Neverbal'noe povedenie lyudei raznykh kul'tur v dialoge I: finskaya i russkaya zhestovye sistemy. In A. E. Kibrik et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2009)* (pp. 224–229). Moscow: RGGU.
- Ladewig, S. H. (2014). Recurrent gestures. In C. Müller, A. Chenki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, & J. Bressemer (eds.), *Body — language — communication. An international handbook on multimodality in human interaction* (pp. 1558–1574). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton.
- Ladewig, S., & Bressemer, J. (2013). New insights into the medium hand: discovering recurrent structures in gestures. *Semiotica*. 197, 203–231.